

О НЕКОТОРЫХ ТЕКСТАХ, ВХОДЯЩИХ В СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ БЕЛИНСКОГО

I. МНИМЫЕ РЕЦЕНЗИИ БЕЛИНСКОГО В «СОВРЕМЕННОМ»

Сообщение В. Кулешова

В собрании сочинений Белинского изд. Солдатенкова и Щепкина (XI) и в изд. Венгерова напечатана сводная рецензия на книги: «Полное собрание сочинений И. Крылова с биографией его, писанною П. А. Плетневым» и «Жизнь и сочинения И. А. Крылова. Сочинение академика Михаила Лобанова». Никаких сомнений в отношении авторства Белинского эта рецензия из № 2 «Современника» 1847 г. (отд. III, стр. 124—134) до сих пор ни у кого не вызывала. Тем не менее ее придется исключить из собрания сочинений критика, так как мы нашли прямое свидетельство, что она написана не Белинским, а А. В. Никитенко. Это свидетельство находится в «Переписке Я. К. Грота с П. А. Плетневым» (т. III, СПб., 1886, стр. 18).

14 февраля 1847 г. Грот писал Плетневу из Гельсингфорса в Петербург: «Во 2-й книжке „Современника“ заняли меня особенно: 1) Критика. О тебе очень благосклонно отзываются, а равно и об Александре Осиповне». Упомянутая Гротом «Александра Осиповна» — это Ишимова, детская писательница, издававшая детский журнал «Звездочка». Она была хорошей знакомой Плетнева и Грота.

Через неделю с лишним Плетнев, обычно хорошо знавший закулисную сторону петербургской журналистики, к тому же совсем недавно сдавший «Современник» в аренду Некрасову и Панаеву и по привычке еще не терявший журнал из виду, писал в ответном письме к Гроту (22 февраля 1847 г.): «То, что во 2-й кн. „Современника“ сказано обо мне и Александре Осиповне, п и с а л Н и к и т е н к о» (цит. соч., стр. 20. Разрядка наша. — В. К.).

А. В. Никитенко (1804—1872) был «официальным» редактором «Современника» и иногда помещал в журнале свои статьи и рецензии. Так, например, в № 1 «Современника» за тот же 1847 г. он выступил с «программной» статьей «О современном направлении русской литературы» (отд. II, стр. 53—74). В № 7 была помещена большая его рецензия на «Курс теории словесности» Михаила Чистякова. Обе статьи подписаны его именем. Но, видимо, Никитенко помещал значительное количество мелких рецензий и заметок, которые, по заведенному в журнале порядку, шли без подписи. Так, например, без подписи была помещена в № 3 за 1847 г. его заметка, живописующая в псевдонародном духе «Похождения мужичка в Питере» (отд. IV, стр. 21—27). Никитенко выступил с анонимной рецензией и на издание сочинений Крылова, вышедшее со вступительной статьей Плетнева. Что речь в письме Плетнева идет именно об этой рецензии, подтверждается тем, что в отделе критики № 2 «Современника» больше нигде не говорится о плетневской биографии Крылова. В переписке Грота с Плетневым, как мы видели, два раза упоминается Александра Осиповна Ишимова. В указанной рецензии о ней, правда, нет ни слова, но в отделе IV («Смесь», стр. 198—200) того же № 2 помещена небольшая анонимная рецензия на детские книжки, начинающаяся словами: «Известно, как мы бедны детскою литературою». В этой рецензии восхваляется «истинно-полезное издание» Ишимовой «Звездочка». Поскольку во 2 № больше нигде не говорится об Ишимовой, то, несомненно, именно эту заметку имели в виду Грот и Плетнев.

На чем, однако, основывается категорическое утверждение Плетнева, что автором интересующей нас рецензии был Никитенко? Оказывается — на ваявлении с а м о г о Н и к и т е н к о. Сразу же после цитированных слов в письме Плетнева следует: «Но Белинский и Некрасов так были этим раздосадованы, особенно отзывом об Александре Осиповне, противоречащим говоренному о ней прежде в „Отечественных записках“, что чуть не разошлась эта компания по углам. По крайней мере, так это передал мне Никитенко, который, впрочем, как я заметил, и лгать очень любит» (цит. соч., стр. 20). Подозрение Плетнева насчет лживости Никитенко касается, как это очевидно, не сообщения о принадлежности ему обеих рецензий, а переданного им известия о чуть было не произошедшем расколе в редакции «Современника» из-за этих рецензий. Но в сильно преувеличенном сообщении Никитенко было верно истины. Обратимся к его «Дневнику». Вот что он записал 4 февраля 1847 г., т. е. за две недели с лишним до письма Плетнева к Гроту и, несомненно, до своего разговора с Плетневым: «Я начинаю подумывать о том, чтобы отказаться от редакции „Современника“. Скоро, но что же делать. Мне слишком тяжело находиться в постоянной борьбе с издателями, которых, в свою очередь, может тяготить мое влияние. Они, вероятно, рассчитывали найти во мне слепое орудие и хотели самостоятельно действовать под прикрытием моего имени. Я не могу на это согласиться» (А. В. Н и к и т е н к о. Дневник... Т. III. СПб., 1893, стр. 483). Как явствует из дальнейшего, было даже создано специальное совещание «сторон» на квартире у Никитенко, на котором кое-как все же удалось уладить возникший конфликт (см. запись от 7 февраля). Из всего этого становится ясным, что одной из причин крайне напряженного положения в редакции «Современника» в феврале 1847 г. были хвалебные отзывы Никитенко о Плетневе и Ишимовой. Плетнев писал Гроту со слов самого Никитенко, что «Белинский и Некрасов... были этим раздосадованы...» Главным их доводом было то, что Никитенко отклоняется от основной линии журнала. Совершенно очевидно, что рассмотренный нами конфликт из-за анонимной рецензии в № 2 «Современника» за 1847 г., с похвалами Плетневу и Ишимовой, устраняет всякую возможность попрежнему видеть в авторе этой рецензии Белинского.

Но если рецензия принадлежит Никитенко, — а мы это считаем доказанным, — то под удар попадает и другая, приписываемая Белинскому анонимная рецензия, напечатанная в № 12 «Современника» за 1847 г. (отд. III, стр. 233—234): «Басни И. А. Крылова. В XI книгах. С биографией, писанною П. А. Плетневым, изд. второе». Эту рецензию приписал критику В. С. Спиридонов, включив ее с соответствующей аргументацией в свою публикацию «Неизвестные статьи и рецензии Белинского» в № 7 «Красной нови» за 1936 г. Но вся аргументация В. С. Спиридонова строится на сопоставлении и сходстве изученного им текста с предыдущей рецензией. Очевидно, что теперь мы должны переклассифицировать всю эту аргументацию на Никитенко. И действительно, рецензия эта, так же как и предыдущая, принадлежит ему. В первой из них Никитенко писал: «Одним из лучших украшений издания сочинений Крылова нельзя не признать приложенной к ним статьи „Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова“, мастерски написанной г. Плетневым. Это — критика-биография, в которой с большим искусством Крылов охарактеризован как баснописец и человек» (X, стр. 456—457). Во второй рецензии автор пишет: «В начале нынешнего года они <Юнгмайстер и Веймер. — В. К.> издали великолепно все сочинения Крылова в трех частях, присовокупив к ним умную, мастерски написанную г. Плетневым биографию незабвенного баснописца. Теперь они выпустили в свет отдельное издание одних его басен, приложив к нему биографию Крылова, написанную опять г. Плетневым» (XIII, 229). Все эти похвалы Плетневу естественны в устах Никитенко — профессора Петербургского университета, ректором которого в то время был Плетнев, и были бы странно, если бы исходили от Белинского.

Первая рецензия заканчивалась словами: «Говорить о баснях Крылова нет никакой нужды, потому что почти невозможно сказать о них что-нибудь новое. Общее мнение давно уже выговорилось о Крылове, как баснописце» (X, 462). Вторая рецензия прямо начинается с утверждения: «О баснях Крылова все сказано, и нового сказать нечего. Их достоинство определено и критикой и обществом» (XIII, 229). Все это свидетельствует, что и вторая рецензия принадлежит не Белинскому, а Никитенко.

II. ПО ПОВОДУ ТРЕХ РЕЦЕНЗИЙ БЕЛИНСКОГО В «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСКАХ»

Сообщение Л. Ланского

Изучая маргиналии Белинского на принадлежавших ему книгах (см. в наст. томе нашу работу «Библиотека Белинского»), мы обратили внимание на некоторые своеобразные пометки в VI томе «Отечественных записок» за 1839 г.

Как известно, все рецензии отдела «Современная библиографическая хроника» в «Отечественных записках» имели последовательную нумерацию, переходившую из книжки в книжку в течение всего года.

В упомянутом нами VI томе «Отечественных записок» за 1839 г. красными чернилами подчеркнуты №№ следующих рецензий: 324 («Как любят женщины»); 327 («Необыкновенный случай» и «Второй музыкальный альбом»); 328 («Предпоследнее странствование Семилассо по Свету»); 329 («Народный русский песенник»); 335 («Рассуждение о Лаже»); 359 («Шапка юродивого, или Трилистник»); 361 («В день заложения Храма Спасителя в Москве»); 362 («Гробница на Востоке»); 363 («Вдовец и его Сын»); 364 («Кум-Сват»); 368 («Недоросль»); 374 («Деяния Петра»); 376 («Основания русской стилистики»); 382 («Лекарство от задумчивости и бессонницы...»).*

Пометки подобного рода не могли быть случайными. Изучаемый экземпляр «Отечественных записок» принадлежал лично Белинскому, чрезвычайно бережно обращавшемуся с книгами и почти никогда не делавшему чернильных пометок, тем более — без причины. Пометки, как правило, делались Белинским простым черным карандашом и часто стирались им, по минованию надобности.

Первым делом мы сочли необходимым выяснить, чьи именно рецензии были выделены указаным образом. Оказалось, что все отмеченные рецензии принадлежат Белинскому и вошли в IV том Полного собрания его сочинений («венгеровского»).

Чем объяснить, что рецензии Белинского кем-то специально выделены в журнале? Кто был настолько осведомлен, что мог безошибочно отметить среди десятков анонимных заметок рецензии, написанные именно Белинским, — и сделать это в принадлежавшем критику экземпляре? Повидимому, сам Белинский или же редактор-издатель журнала — А. А. Краевский. Изучая библиотеку Белинского, мы убедились, что сам он не отмечал какими-либо значками свои статьи в принадлежавших ему книжках журналов, в которых сотрудничал. Остается предположить, что все рецензии нового сотрудника «Отечественных записок» были отмечены Краевским с целью, имевшей, вероятно, какое-нибудь отношение к денежным расчетам.

Какой исследовательский интерес представляют эти пометки, поскольку все выделенные ими рецензии уже вошли в собрание сочинений критика? Прежде всего, они подтверждают авторство Белинского для всех четырнадцати отзывов, в том числе и рецензии на «Рассуждение о Лаже», принадлежность которой критику возбуждала сомнения. Затем, и это главное, они дают возможность заподозрить, что Белинский не был автором трех приписывавшихся ему рецензий.

Констатирование того факта, что все отмеченные в этом экземпляре VI тома «Отечественных записок» за 1839 г. рецензии входят в собрание сочинений Белинского, естественно, возбудило вопрос: не оказались ли включенными в собрание сочинений критика также и рецензии, не отмеченные в его экземпляре? Оказалось, что в IV томе такие рецензии имеются.

Обратимся к анализу их содержания, чтобы разрешить возникшее сомнение. Первой по порядку является рецензия на «Способ к распространению шелководства» Я. Юдицкого. {Некомпетентность Белинского в вопросах шелководства, конечно, не может сама по себе являться поводом для сомнений в его авторстве. Критику приходилось давать отзывы на книги самого разнообразного и специального содержания. Этот аргумент тем менее был бы применим к данному случаю: автор рецен-

* № рецензии 318 («Очерки Бородинского сражения») подчеркнут ногтем.

зии не касается содержания книги по существу, а рассматривает ее только с точки зрения грамотности.

Наши сомнения в принадлежности рецензии Белинскому находят дополнительное обоснование в двух следующих обстоятельствах. Первое из них отметил еще Венгеров. В рецензии есть фраза: «Это похоже на человека, который умеет ходить на манер древних героев, со всем театральным величием, и не умеет ни войти, ни стать, ни сесть в порядочном обществе». К приведенным словам Венгеров, у которого, однако, не возникло, в этой связи, сомнения в принадлежности рецензии Белинскому, сделал следующее примечание: «Даже о том, как надо сидеть в „порядочном“ обществе, заботится теперь Белинский! Вспомните, как досталось за светские заботы Вяземскому». Венгеров имеет тут в виду рецензию на 2-ю книжку «Современника» (III, 60). Действительно, Белинский резко осуждает и высмеивает в этом отзыве «светские» притязания Вяземского. «Милостивые государи, — иронически восклицает критик, — умеете садиться в кресла, будьте в гостиной, как у себя дома — все это прекрасно, все это делает в а м большую честь; видя, с каким искусством садитесь вы в кресла, с какою свободой любезничаете в гостиной, мы готовы рукоплескать вам: но какое отношение имеет все это к литературе? Ужели умение садиться в кресла и свободно говорить в гостиной есть патент на талант литературный или поэтический...» и т. д. Разумеется, забота о манерах для «порядочного общества», сказавшаяся в первой цитате, плохо согласуется с подлинными взглядами на этот счет «великого плебея» Белинского, — взглядами, столь ярко выраженными в упомянутой нами статье о 2-й книжке «Современника».

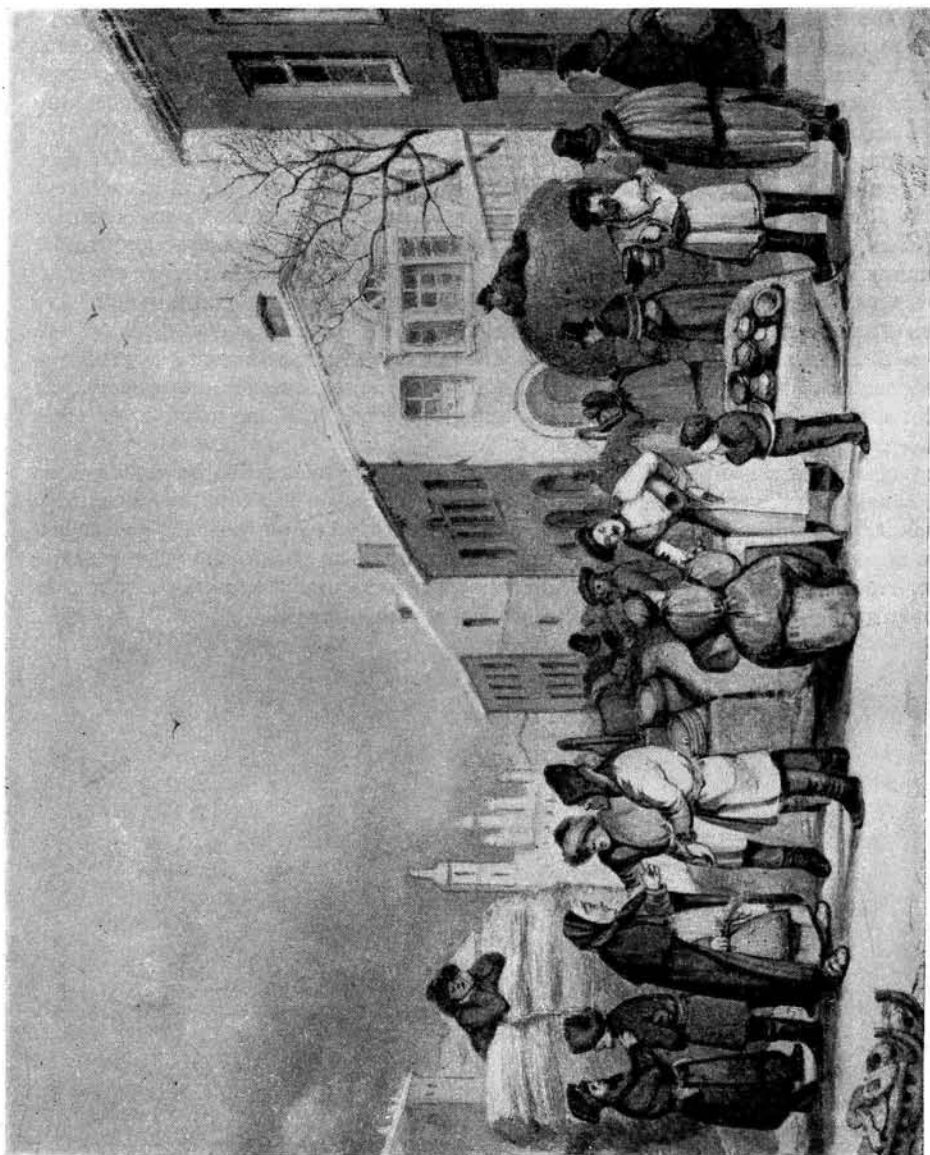
Укажем на второе противоречие. В рецензии на «Способ к распространению шелководства» читаем: «Французы лучше других поняли эту практическую истину. Правила языка их приведены почти в математическую точность; знание своего языка и умение правильно и свободно выражаться на нем и словесно и письменно у них одно из первых условий образования, точно так же, как светскость, хороший тон. Поэтому если француз пишет нехорошо — это не от неумения, а от претензий на выпренность или от сбивчивости в понятиях. Хорошее везде хорошо, и подражать хорошему очень похвально. Жаль, что у нас в литературе перестали в этом подражать французам...» Возникает вопрос: можно ли приписать Белинскому периода его «французоедства» эту апологию французам и французскому языку и призыв подражать им? Ведь незадолго до того (в примечании к статье «Гамлет принц Датский») Белинский утверждал нечто совсем противоположное: «Французский язык, этот бедный, жалкий язык, имеет необыкновенную способность опошлять все, что не водевиль или не громкие фразы, — две крайности, составляющие жизнь француз» (III, 342).

Таковы сомнения, возникающие по поводу первой рецензии.

Обратимся ко второй рецензии: «Собрание рецептов парижских больниц... соч. Ф. С. Ратье».

Перепечатав из «Отечественных записок» всю статью о Ратье, Венгеров в примечании к ней указывает, что в издание Солдатенкова текст рецензии вошел не полностью, без второй его половины, и замечает: «Странно, что Белинский взялся писать о такой крайне специальной книжке. Однако сомневаться в том, что рецензия действительно принадлежит Белинскому, никак нельзя, ввиду того, что она на этот раз не только указана в галаховских рукописных списках, но и на свежей памяти и Галахова, и Каткова, и Кетчера внесена в солдатенковское издание. Может быть, Кетчер, врач по профессии, давал Белинскому нужные указания?»

Не менее странно, заметим мы от себя, что Венгерову осталось неизвестным письмо Краевского к Панаеву, которое последний цитирует в своих известных воспоминаниях о Белинском. Это письмо имеет прямое отношение к рецензии на «Рецепты парижских больниц» и содержит в себе полное разрешение вопроса: «Виссариону Григоричу низкий поклон и благодарение за статьи его. В статье о „Бородинской годовщине“ Никитенко выкинул два места. Прочее все осталось так, как было, кроме отзыва о Жуковском, к о т о р ы й я п о с м я г ч и л. Статья о книге доктора Ратье также и в м е н е н а м н о ю, потому что один из здешних дельных врачей доставил мне о ней статью: ведь мы с Виссарионом Григорьевичем в этом деле профаны, надо верить



СЕННОЙ РЫНОК В ПЕТЕРБУРГЕ
Акварель В. И. Штернберга, 1837 г.
Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

тому, кто лучше знает...» (И. И. Панаев, Литературные воспоминания и воспоминания о Белинском, СПб, 1876, стр. 255).

Таким образом, выясняется, что рецензия на книгу Ратье первоначально была написана Белинским, но потом «изменена» Краевским, — точнее — совмещена со статьей какого-то «дельного врача». Становится понятным, почему Кетчер, безусловно посвященный в эти обстоятельства, ввел в редактировавшееся им собрание сочинений Белинского только начало рецензии, имеющее в себе, надо заметить, все характерные признаки авторства Белинского, которых лишена остальная, опущенная им часть текста. Понятно также, почему Краевский не отметил в посланном Белинскому экземпляре «Отечественных записок» эту рецензию как принадлежащую критику: был напечатан текст, в основном, другого автора.

Последняя рецензия, оставшаяся не отмеченной среди других рецензий в VI томе «Отечественных записок» за 1839 г., это отзыв о переводе на французский язык поэмы «Чернец» Козлова: «Le moine, histoire kioviennne». Венгеров замечает в примечании: «Этот отзыв уже свидетельствует не просто о знании <Белинским> французского языка, но о знании тонком и чутье языка» (IV, 542). Наблюдение верное. Но именно справедливость его и заставляет усомниться в том, что разбор французской книжки был поручен Галаховым Белинскому: из всех трех московских рецензентов «Отеч. записок» Белинский, безусловно, слабее всех знал французский язык. С другой стороны обращает на себя внимание отсутствие в рецензии каких-либо выпадов против французов и французского языка, столь характерных для Белинского этой поры (см. выше).

Мы поделились в настоящей заметке некоторыми соображениями, возникшими по поводу обнаруженных нами пометок в принадлежавшем лично Белинскому экземпляре VI тома «Отечественных записок» за 1839 год. Не претендуя на какую-либо категоричность в выводах, мы, тем не менее, думаем, что привели достаточно убедительные доводы, чтобы поставить под серьезное сомнение авторство Белинского для трех рецензий, давно уже входящих в собрание сочинений критика.